Тем временем второй пилот, окруженный огромной толпой у выхода, гордо сидел рядом с табличкой «P4», показывая большой палец вверх.

На экране его улыбка почти не уступала улыбке победителя.

По сравнению с прошлогодним результатом он поднялся на десять позиций — уже одного этого было достаточно для такой радости.

Было очевидно, насколько счастливы были субспонсоры и фанаты, ожидавшие домашнего выступления.

В любом случае, это была вечеринка после гонки, где улыбались все, кроме Дэниела. Как и Марсель, он пришел поздравить.

Несколько членов команды подошли к нему, уточняя, все ли в порядке, и выражая сожаление.

— Нет смысла жалеть о случившемся, но все же жаль, — спокойно ответил он. Но обещания о следующем Гран-при рассеялись меньше чем за минуту.

Дэниел почувствовал пустоту, глядя на ключи от болида, которые вернул ему менеджер.

Разорвать старую связь оказалось быстрее и проще, чем он ожидал.

Сложнее всего оказалось со связью, которая появилась совсем недавно.

[По крайней мере, это не та гонка, которую я хотел увидеть.]

Как ему теперь смотреть в лицо этому человеку?

Стараясь не испортить атмосферу, Дэниел сделал глоток напитка. Но мысли превратились в хаотичный клубок.

«…Нужно извиниться».

Он сказал слишком много. Его вспышка на неловкое поведение Алека Уокера смешалась в одну кучу.

Проблема была в том, что он не знал, как извиняться.

Он никогда не говорил Алеку добрых слов. Только резко огрызался или отвечал сухо, будто они всегда были по разные стороны.

«Никогда не встречал его с улыбкой».

Алек, постоянно врывающийся в его пространство без предупреждения, был странным, неловким присутствием.

Может, в этом дело? То беспокойство, которое он испытывал рядом с Алеком, отличалось от встреч с новыми друзьями или знакомыми. Даже решив игнорировать его, он всё равно улавливал каждое слово Алека, а эмоции срывались, как у подростка — то разочарование, то неожиданная радость.

Быть рядом с ним было чередой незнакомых ощущений.

Словно идти с немного сбитым компасом: одно маленькое отклонение могло увести совсем не туда. Иногда накатывала странная лёгкость.

И эта лёгкость превращалась в пульс, заполняющий уши, раздражающий гордость или сжимающий сердце так, что хотелось заплакать.

Словно бумага на грани разрыва. Дэниел провёл рукой по лицу, скрывая выражение.

«Просто извинись».

Он всё ещё ненавидел сам факт того, что его расследовали.

Но винить Алека в потере концентрации из-за контракта было неправильно. Ответственность за провал как пилота лежала на Дэниеле Линдберге. И если приоткрыть крышку, там уже был кто-то другой, стоящий за всей этой грязью.

Он представил Ноэля Линдберга, самодовольно стоящего рядом с сыном.

Больше всего угнетало Дэниела то, что всё это было частью сценария Ноэля Линдберга. Идеально рассчитав время, он манипулировал Риком и Серджио, подогрел недоверие к спонсору, и Дэниел попался.

Как долго ещё эта тень интригана будет его преследовать? Почему всё настолько запутано?

— В этом мире ничто не бывает простым… совсем не бывает…

— А? Дэниел? Что случилось?

— Ничто не бывает простым…

Улыбаться непринуждённо на шумной вечеринке, будучи бывшим пилотом, или вырваться из тени отчима было непросто.

Он жил с верой, что самый тёмный час — перед рассветом, но ночи без часов выматывали до предела. Он не пил, но в груди всё равно всё переворачивалось. И не было ничего, что можно было бы выплеснуть наружу.

Словно пытаясь разогнать эту мутную пелену, впереди маячили запланированные гонки. Серия этапов европейского турне.

Четверг — пресс-конференция, пятница — свободные заезды, суббота — квалификация, воскресенье — гонка, затем в понедельник — перелёт в следующую страну. Вторник и среда — восстановление и подготовка, после чего начинался следующий Гран-при.

С середины мая гонки шли с интервалом в одну-две недели и продолжались до августа, доводя пилотов до предела. Монако, Испания, Австрия, Великобритания, Венгрия, Бельгия — борьба за позиции накрывала, как лавина. Календарь менялся каждый год, иногда в него добавлялись Германия или снова Австрия. Это был период, когда он порой забывал, в какой стране находится.

Дэниелу пришлось признать, что момент с увольнением менеджера был катастрофически неудачным. Адам, понимая ситуацию, назначил ему сотрудника в помощь, но мысли Дэниела всё равно были рассеяны.

Гонки нужно было ехать, а нового менеджера — найти. Обсуждение через агентство только усложнило бы всё. Даже сам процесс найма уже был задачей.

Пока что ему не нужно было объяснять увольнение менеджера посреди сезона, но нужен был человек с пониманием Формулы-1, который не будет выходить на связь с Ноэлем Линдбергом.

Прокручивая контакты в телефоне, Дэниел в отчаянии опустил его.

Был один быстрый и простой способ. Позвонить Алеку Уокеру и нагло сказать, что он извиняется и ему нужна помощь в поиске человека.

«Лучше пусть в меня ударит молния».

В этой дилемме, с чего начать извинение, у него всё равно не хватило бы такой смелости.

Он вдруг понял, что никогда по-настоящему ни с кем не ссорился. А значит — и не мирился по-настоящему. Его представление об извинениях, прощении и примирении было тоньше учебника. Если бы это было просто, он давно помирился бы с Джошуа. Самоирония давалась легко.

Холодная война не решается парой извинений. Пустых слов и пустых рук недостаточно. Даже подарка может не хватить тому, у кого и так всё есть, но, возможно, искренность будет понята.

В понедельник днём, после прохождения иммиграционного контроля, Дэниел в маске и кепке вошёл в зону дьюти-фри. Обычно он спокойно ждал у выхода, но на этот раз передал багаж своей группе и поспешил вперёд. Времени на выбор подарка было мало, а вариантов — слишком много.

«Что ему нравится?»

Вокруг было на что посмотреть, но всё оставалось чужим. Алкоголь? Дэниел не знал, что именно пьёт Алек. Сигареты — то же самое. Еда или десерты отпадали: он не знал, когда сможет их передать. Дорогие вещи выглядели бы обременительно для того, у кого, вероятно, и так всё есть.

Только сейчас Дэниел осознал, как мало он знает об Алеке. Ни любимого цвета, ни еды, ни музыки. Единственное, в чём он был уверен, — патологическая ненависть Алека к пустой трате времени. Может, часы?

Он повернул голову и заметил кое-что. Солнцезащитные очки.

На витрине были очки всех цветов и форм: оправа — от роговой до безободковой, линзы — самых разных оттенков. Он увидел те самые красновато-коричневые, которые Алек часто носил. Пока он рассматривал их, к нему подошёл сотрудник с приветливой улыбкой:

— Добро пожаловать. Вы ищете что-то конкретное?

— Нет, не совсем. Просто что-то подходящее в подарок…

— Тогда показать вам новинки?

Дэниел неловко кивнул, и сотрудник, привычный к таким клиентам, мягко повёл его дальше:

— Эти круглые оправы сейчас очень популярны. Модель «Wellington» получает лучшие отзывы.

Какой возраст у получателя?

— Около двадцати с лишним…

Дэниел невольно вздохнул. Он даже не знал точного возраста Алека.

Он много раз видел его и говорил с ним по телефону, но все важные детали о нём всегда оставались для Дэниела загадкой. А что же Алек?

Он ведь смотрел записи дебютной гонки Дэниела после того, как ему посоветовали стать серьёзнее.

Дэниел с запозданием пожалел, что не задавал больше вопросов. И вдруг понял, что вырос, воспринимая интерес к людям как форму атаки, — из-за своего особого опыта.

http://bllate.org/book/17841/1739221